1903 X 1913

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ КУЛЬТУРНОЙ РАБОТЫ ЖУРНАЛА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ „ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ".
1913.

„ВЗАИМОПОМОЩЬ“

КАКЪ ОНА ВОЗНИКЛА, РАЗВИЛАСЬ И КЪ ЧЕМУ ПРИШЛА.

В. Г. ГОЛИКОВЪ.

Голоса изъ захолустьевъ.—Единеніе и взаимодѣйствіе журнала и подписчиковъ.—„Взаимопомощь“. Первые шаги. Результаты. Кіевскій съѣздъ подписчиковъ.—Типическій подписчикъ „Вѣстника Знанія“. Чѣмъ люди живы. Очагъ идеализма.—„Бесѣды съ читателями“. Полуинтеллигенція противъ полудемократіи.—„Вѣстн. Знанія“—демократическій глашатай науки, просвѣтитель массъ *).

I.

— СПАСИТЕ! Помогите! Задыхаемся! Погибаемъ!

— Протяните намъ руку, освѣтите путь!

— Дайте знанія! Дайте хлѣба!

Такіе отчаянные крики, стоны и вопли неслись изъ тьмы и стужи провинціальныхъ захолустьевъ на яркіе огни „Вѣстника Знанія“.

А съ другой стороны, изъ той же дичи и глуши, раздавались нервно-взволнованные, лихорадочно-торопливые, прерываемые словно заглушенными рыданіями голоса:

— Стремимся помогать! Жаждемъ быть полезными! Рвемся служить ближнему, обществу, народу! Но гдѣ? Какъ? Научите, укажите!

Женщина съ высшимъ естественно-научнымъ образованіемъ взволнованно исповѣдуется:

„Глушь ужасная! И думалось мнѣ, что найду себѣ работу, буду полезной, сойдусь съ крестьянами. И вотъ—чувствую стѣну между собою и ими, не умѣю съ ними говорить, не знаю, что мнѣ начать, что сдѣлать... И такъ тяжело стало жить. Чувствую себя ненужной до отчаянія... Однѣми книгами жить трудно... Хочется помочь, хочется практической дѣятельности... Какъ начать? Научите меня!“

Учительница почти рыдаетъ:

„Я еще очень молода; передо мной цѣлая жизнь... Чувствую, гдѣ-то въ глубинѣ меня есть какая-то огромная духовная сила... Куда ее употребить?.. Я видѣла вокругъ себя горе, нужду, бѣдность... И все вижу только одну безконечную нужду, да горе. Что я здѣсь могу сдѣлать? Какъ помочь? Тоска... Хочется кричать... Откликнитесь, помогите разобраться въ жизни“.

Но звучали и бодрые голоса:

„Обреченные на жизнь среди общества, лишеннаго всякихъ интересовъ, уснувшаго въ провинціальной глуши, сомкнемтесь въ дружные ряды, не дадимъ въ насъ заглохнуть искрѣ Божьей, будемъ искать пищи нашимъ душевнымъ и умственнымъ силамъ, этому величайшему сокровищу человѣка, и эту пищу мы найдемъ въ дѣлѣ служенія народному просвѣщенію, примкнувъ сами и увлекая за собою другихъ къ союзу друзей этого святого и великаго дѣла. А вы, живущіе въ центрѣ умственной жизни, не откажите и вы протянуть намъ руку, какъ друзьямъ вашимъ, и примкнуть къ нашему союзу. Будемъ всѣ сѣятелями свѣта!“

Кто-то мужественно восклицаетъ:

„Хочется отдать всего себя на служеніе родинѣ, сдѣлать все, что только могъ бы, и, кажется, могу все, что ни заставили бы... За

*) Матеріаломъ для статьи былъ, главнымъ образомъ, отдѣлъ „Взаимопомощи“ въ „Вѣстн. Зн.“ 1904—1910 г. и въ „Недѣлѣ“ 1911/12 г. Чтобы не обременять читателя, я почти не дѣлаю при цитатахъ ссылокъ на №№ и страницы.

В. Г.

что взяться? Что дѣлать? Я чувствую въ себѣ силу борца за близкія моему сердцу идеи“...

— Дайте для моего рычага точку опоры,—говорилъ Архимедъ,—и я переверну міръ.

Человѣческимъ внутреннимъ силамъ, таланту, энергіи, работоспособности недостаетъ часто только точки опоры, чтобы создать грандіозное и великое. У насъ въ Россіи, въ особенности, цѣлая армія культурныхъ работниковъ, загнанная въ безпросвѣтную глушь, разсѣянная по одиночкѣ, гибнетъ безплодно, гася въ себѣ огни духа.

А гаснутъ эти огни—и темно становится кругомъ.

Раздуть эти тлѣющіе и погасающіе огоньки, искры разжечь въ лучи, лучи—въ цѣлые снопы свѣта, чеховскую унылую, растерянную и разсѣянную, захолустную Россію всколыхнуть, пробудить къ бодрости, къ живой культурной дѣятельности, къ могучей демократической сплоченности—это поставилъ своей задачей „Вѣстникъ Знанія“.

II.

Правда, трудно было руководителямъ молодого изданія не загорѣться самымъ пылкимъ энтузіазмомъ, когда его подписчики несли свою вѣру въ журналъ, свою влюбленность въ его идеи, свою юношескую восторженность въ размѣрахъ, подчасъ чудовищно преувеличенныхъ, какъ, напр., сравненіе просвѣтительной дѣятельности „Вѣстника Знанія“ съ ролью христіанства.

Подписчики... о, конечно, бываетъ между ними и очень угрюмый, скептическій, иногда озлобленный народъ, но у „Вѣстника Знанія“, кажется, больше было идеалистовъ, энтузіастовъ, пламенныхъ друзей.

„Господи!—молитвенно вздыхаютъ одни изъ такихъ:—если бы намъ итти въ народъ и все, что пріобрѣли, отдать ему. Отъ одной только этой мысли сердце радостно бьется“...

„Соединимся! Мощно двинемся въ народъ!“—восклицаютъ другіе.

И, за исключеніемъ скептиковъ или ожесточенныхъ, усталыхъ или равнодушныхъ, скоро всѣ подписчики, отъ профессора до чернорабочаго, начинаютъ чувствовать себя не только друзьями, но какими-то кровными родственниками „Вѣстника Знанія“, мечтаютъ „соединиться въ общую семью подъ его знаменемъ“ и смотрятъ на себя, какъ на „великую мессіанскую армію, которая имѣетъ цѣлью въ темной гущѣ народа зажечь факелы знанія и, освѣщая сумерки окружающаго, разрушать мрачное царство невѣжества“, „идти по ступенямъ свѣтлаго царства знанія къ свободѣ“, „вооружиться молотомъ знанія и ковать счастье народа“.

„Согрѣвающій и объединяющій эту армію лучъ энергіи горитъ въ редакціи „Вѣстника Знанія“ и неустанно, давая силы, зоветъ на работу“.

А каково ихъ довѣріе къ журналу, увлеченіе его просвѣтительными идеями! И какова, подчасъ, роль любимаго журнала въ ихъ жизни!

Одинъ учитель разсказываетъ, какъ еще юношей, въ стѣнахъ института, гдѣ тайкомъ, на имя сторожа, выписывался „Вѣстникъ Знанія“, онъ съ товарищами-воспитанниками зачитывался журналомъ. „И, казалось, гдѣ-то свѣтился путеводный огонекъ и призывалъ насъ“. „Вѣстникъ Знанія“ былъ сконцентрированнымъ свѣтомъ, эссенціею жизни“.

Потомъ онъ жилъ въ селѣ, и его „единственная отрада состояла въ бесѣдѣ о „Вѣстникѣ Знанія“ съ товарищами-учителями“. „Я не переставалъ вѣрить въ ваше дѣло, какъ въ апостольскій подвигъ... Грандіозный планъ, начертанный вами, сыграетъ ту же роль, какъ христіанство въ первые вѣка“...

Другой исповѣдуется: „Сдѣлавшись подписчикомъ „Вѣстника Знанія“, я нашелъ смыслъ жизни. Онъ служитъ для меня и университетомъ и источникомъ, черпая изъ котораго я обновляюсь душой для служенія народу“.

Какая-то подписчица вызывается собрать крупную сумму на школу имени „Вѣстника Знанія“, въ которой „велось бы преподаваніе новой религіи“.

Въ минуты затрудненія, когда журналу грозятъ кары, то и дѣло доносятся въ редакцію возгласы: „если что случится (съ журналомъ), обратитесь къ намъ, подписчикамъ, мы отдадимъ, что можемъ, а поддержимъ васъ, потому что вы—это мы, ваше дѣло—наше!“

Даже сельскій батюшка печалуется за свой журналъ: „ваше горе—наше, всѣхъ вашихъ подписчиковъ, горе, и мы обязаны его раздѣлить“.

Этой прекраснодушной восторженности послѣдователей „Вѣстника Знанія“ соотвѣтствовало и восторженное прекраснодушіе руководителей журнала.

Однажды редакція размечталась (правда, это было въ 1906 г., когда еще не остылъ жаръ революціонныхъ преувеличенныхъ надеждъ): „Мы рисуемъ себѣ въ будущемъ картину, когда наши изданія „Вѣстн. Зн.“, „Научная Библіотека“, „Недѣля“, будутъ находиться во всякой ротной и батарейной библіотекѣ... Во всякой мельчайшей части, хотя бы даже въ отдѣленіи или взводѣ, будетъ нашъ дешевый фонарь, и офицеры по вечерамъ будутъ читать солдатамъ лекціи нашего „Научнаго Театра“.

Впрочемъ, удивляться ли этимъ смѣлымъ мечтамъ, если „Вѣстникъ Знанія“ встрѣчалъ

по временамъ поддержку и полное благоволеніе со стороны генераловъ,—очевидно, просвѣщенныхъ и либеральныхъ,—и полковыхъ командировъ. Какой-то генералъ совѣтуетъ однажды, „не обращая вниманія на лай черной сотни“, идти той дорогой, по которой шелъ журналъ; полковой командиръ сообщаетъ, что среди его офицеровъ—нѣсколько подписчиковъ „Вѣстн. Зн.“, и самъ онъ—его горячій сторонникъ. „Журналъ оказалъ благотворное вліяніе на нѣкоторыхъ офицеровъ“, а черезъ офицеровъ—на солдатъ.

Однако, въ другихъ полкахъ солдаты должны были выписывать журналъ (и, слѣдовательно, пользоваться имъ) тайкомъ, на чужое имя.

При такомъ сочувствіи подписчиковъ редакція заканчивала первое пятилѣтіе журнала въ восторженномъ настроеніи. „Оглядываясь назадъ, мы видимъ, что сдѣлано много, очень много, о чемъ даже и не снилось при началѣ нашей работы. *Создано дѣло, подобнаго которому нѣтъ въ мірѣ.* Всѣмъ этимъ мы обязаны нашимъ подписчикамъ, которые вдохновляютъ насъ на работу, придаютъ своей нравственной поддержкой силы и вѣру въ плодотворность дѣятельности“.

И вотъ изъ такого-то идейнаго единенія журнала съ подписчиками и подписчиковъ между собою и изъ чуткости его къ оброшенности и растерянности захолустнаго демократическаго интеллигента, зовущаго на помощь, и возникъ отдѣлъ *Взаимопомощи*, давшій сравнительно скоро опредѣленные практическіе результаты: читальни, кружки и общества „Вѣстника Знанія“ въ провинціи и въ столицѣ, даже—на нѣкоторое время—за границей (неаполитанскій, болгарскій отдѣлы). Французскія, итальянскія, американскія газеты отмѣтили оживленную дѣятельность „Вѣстника Знанія“ (№ 1 „Вѣстн. Зн.“ 1910 г.).

III.

Какъ же начался отдѣлъ „Взаимопомощи“?

Когда несущіеся изъ разныхъ захолустьевъ Россіи голоса и стремленія слабыхъ и сильныхъ, унывающихъ и восторженныхъ, ищущихъ помощи и предлагающихъ помощь встрѣтились въ редакціи „Вѣстника Знанія“, молодой журналъ этотъ, помимо своей первоначальной задачи—быть однимъ изъ источниковъ просвѣщенія, доступнаго массамъ, сталъ мало-по-малу какой-то центральной электрической станціей, собирающей въ себѣ и разсѣивающей свѣтозарную и жизнетворную энергію по всѣмъ направленіямъ, въ самыя глухія мѣста, въ самые отдаленные, Богомъ забытые, закоулки.

Аккумуляторомъ этой энергіи были страницы „Взаимопомощи“: съ 1904 г.—въ „Вѣстн. Знанія“, а съ 1911 г.—въ „Недѣлѣ“.

Было слишкомъ ощутительно это взаимное тяготѣніе молодыхъ душъ и умовъ, эта вопіющая безпомощность и темнота—съ одной стороны и страстная жажда просвѣщеннаго служенія ближнему—съ другой. И юный журналъ, самъ проникнутый идеализмомъ, энтузіазмомъ и гуманизмомъ, какъ и лучшіе изъ его подписчиковъ, пошелъ навстрѣчу этому потенціальному братскому единенію людей во имя общаго блага.

Уже на второй годъ выхода въ свѣтъ „Вѣстника Знанія“ выяснилось созвучное, полное взаимнаго уваженія и довѣрія духовное единеніе журнала и постоянныхъ читателей его. Въ видахъ болѣе реальнаго сближенія у руководителей журнала явилась мысль предложить подписчикамъ общеніе между собою (для цѣлей самообразованія и практическихъ нуждъ, для взаимной нравственной поддержки, для обмѣна мнѣній) черезъ посредство особаго отдѣла. Этотъ отдѣлъ, „Взаимопомощь“, и открылся въ № 8 „Вѣстн. Зн.“ 1904 г. Мало того, постепенно редакція стала привлекать подписчиковъ къ участію въ дѣлѣ изданія журнала, именно въ идейной сторонѣ этого дѣла, во всѣхъ его широкихъ начинаніяхъ. Результаты оказались удивительные.

Можно сказать, что подписчикъ въ массѣ сдѣлалъ дѣло „Вѣстника Знанія“ *своимъ* личнымъ дѣломъ. И отнынѣ были у журнала двоякаго рода равно дѣятельные сотрудники: сотрудникъ-авторъ и сотрудникъ-подписчикъ.

Руководитель журнала, получая отъ подписчиковъ массу самыхъ задушевныхъ, пламенныхъ писемъ, подчасъ прямо панегириковъ, въ искренности которыхъ не было основаній сомнѣваться, съ естественнымъ преувеличеніемъ думалъ въ то время, что „*нашъ* подписчикъ совсѣмъ не похожъ на остальную массу читающей публики, такъ какъ онъ ищетъ не развлеченія“,—„онъ ищетъ *знанія*, какъ могущественнаго рычага для достиженія личной пользы и полученія возможности служенія общему благу... Мы смѣло заявляемъ, что не только уважаемъ такого читателя, но *гордимся* имъ“. „Наши широкіе проекты служенія обществу, призвавъ на помощь самихъ читателей, будутъ одинъ за другимъ осуществлены и войдутъ въ жизнь. Это—наше убѣжденіе“.

И произошло поразительное, рѣдкое взаимодѣйствіе, маленькое чудо для нашего скептическаго, мудро-осторожнаго, холодноватаго времени: руководители просвѣтительнаго журнала заражали юношески восторженной вѣрой, бодростью и энергіей своихъ подписчи-

Государственная

ковъ, а подписчики возвращали имъ эту вѣру, бодрость и энергію въ удвоенномъ количествѣ.

Можно сказать, что подписчики создавали свой журналъ, а журналъ вырабатывалъ своего подписчика. Онъ не только „нашелъ читателя“, какъ выразился о „Вѣстникѣ Знанія“ покойный депутатъ Герценштейнъ, но и почти создалъ его, призвавъ къ сотрудничеству въ культурной работѣ не въ видѣ одного лишь чисто механическаго „самообразованія“, усвоенія даваемаго научнаго матеріала, но и въ идейной разработкѣ его (на страницахъ „Взаимопомощи“), въ посильномъ критическомъ его пересмотрѣ.

Подписчикъ автономно разбирался въ вопросѣ, *что* и *какъ* ему нужно для самообразованія. И онъ самъ ставилъ и рѣшалъ,— съ какой стремительностью и жадностью, какъ бы захлебываясь, съ какою часто наивностью и незрѣлостью, но подчасъ и съ какимъ умомъ, одушевленіемъ, талантомъ!—разные „жгучіе“, „проклятые“, „больные“ вопросы: о выработкѣ міросозерцанія, о цѣли и смыслѣ жизни, о вѣрѣ и наукѣ, о нравственности, о служеніи народу, о роли женщины и многое множество еще другихъ разнообразныхъ темъ.

Эти выступленія подписчиковъ на страницахъ „Взаимопомощи“ развились мало-помалу въ очень оживленный, подчасъ крайне интересный обмѣнъ мнѣній ихъ между собою, въ ихъ собственную маленькую, но разностороннюю литературу, обширный матеріалъ которой потребовалъ впослѣдствіи нѣсколькихъ особыхъ рубрикъ: „Вопросы жизни и нравственности“, „Научная переписка“, „Отдѣлъ молодежи“, „Объявленія и обращенія подписчиковъ“, „Отвѣты“. Но съ № 4 1910 г. все это объединилось въ одинъ отдѣлъ „*Обмѣнъ мнѣній*“.

Всего же важнѣе, что подписчикъ неустанно призываемъ былъ журналомъ отъ словъ къ дѣлу, отъ идеалистическихъ порывовъ духа къ воплощенію идеаловъ въ жизнь; разбужена была инициатива не только его мысли, но и его воли—къ осуществленію разныхъ культурныхъ начинаній.

Мѣстные кружки и читальни „Вѣстника Знанія“ были первыми ласточками этихъ начинаній. Даже безъ пропаганды журнала кружки „Вѣстника Знанія“ возникали иногда естественнымъ путемъ.

Гдѣ-нибудь въ захолустьи, въ уѣздномъ мѣстечкѣ, докторъ, священникъ, поручикъ мѣстнаго полка, унтеръ-офицеръ, всѣ четверо—подписчики „Вѣстника Знанія“, завязываютъ товарищескій кружокъ, маленькое духовное братство—„для воздѣйствія на окружающую среду“.

Въ Петербургѣ въ 1906 г. *рабочимъ* выборгскаго района принадлежалъ починъ образованія перваго районнаго кружка подписчиковъ „Вѣстника Знанія“. Іоостъ, Томсонъ, Эстманъ были наиболѣе энергичными его членами. Кромѣ выборгскаго, образовался еще нарвскій кружокъ—тоже изъ рабочихъ.

Въ 1905 г. довольно дѣятельно заявила себя „Рижская читальня Вѣстн. Зн.“ Но завѣдующій читальней былъ на первыхъ же порахъ арестованъ. Въ 1908 г. образовалось въ Ригѣ „Просвѣтительное общество „Вѣстникъ Знанія“. Администрація часто препятствовала его лекціямъ и рефератамъ. На чрезвычайномъ собраніи 3 февраля 1909 г. общество чествовало Геккеля по случаю 75-лѣтія и отправило ему адресъ.

Возникали и другіе кружки, и общества „Вѣстника Знанія“ (астраханскій, херсонскій, саратовскій, симбирскій, яренскій — изъ однихъ только ссыльныхъ, и проч.).

Такъ было уже въ первые годы изданія журнала. Съ теченіемъ времени такихъ культурныхъ очаговъ по нашимъ захолустьямъ становилось все больше и больше. Вездѣ, гдѣ есть подписчики „Вѣстн. Зн.“, они, благодаря воздѣйствію „Взаимопомощи“, знакомятся, сближаются, объединяются. Устраиваются лекціи, читаются рефераты, предпринимаются образовательныя экскурсіи.

Такимъ образомъ, по неустанному боевому кличу, несущемуся со страницъ „Взаимопомощи“, образуется своего рода „армія спасенія“ отъ духовной нищеты и безпомощности, отъ недуговъ души, отъ умственнаго нездоровья. Въ ряды этой арміи входятъ и народный учитель, и священникъ, и рабочій, и крестьянинъ, офицеръ и солдатъ, фельдшеръ и докторъ, преподаватель гимназіи, инспекторъ народныхъ училищъ, служащіе разнаго рода, и профессора, и писатели и проч.

Многіе кружки распались давно, многіе не проявляютъ никакой дѣятельности. Но связь „воиновъ“ этой „арміи“ все-же существуетъ, хотя болѣе идеальная, чѣмъ реальная: культурное общеніе происходитъ преимущественно на почвѣ журнала и черезъ его посредство. Только на періодическихъ съѣздахъ, впрочемъ—случайныхъ и довольно безпорядочныхъ, мѣстные кружки и отдѣльные подписчики сливаются въ братскій союзъ. Кстати, идея устройства этихъ съѣздовъ принадлежитъ не журналу, а самимъ подписчикамъ.

Иногда эти съѣзды (минскій, московскій, воронежскій), плохо склеенные, совсѣмъ не удаются: участники слишкомъ легко, какъ дѣти—буки, пугаются одного призрака грозной администраціи и бѣгутъ въ смятеніи, побро-

савъ мечи и щиты съ девизомъ изъ молніеносныхъ зигзаговъ „Вѣстн. Знанія". Но, случается, съѣзды проходятъ съ большимъ подъемомъ. Особенно ярокъ былъ *Кіевскій съѣздъ*. 1911 г.

Онъ явился какъ бы апоѳеозомъ журнала и его идей. Здѣсь старые, молодые и пожилые люди объединились въ одномъ идеалистическомъ чувствѣ, горѣли однимъ восторженнымъ пламенемъ. Дѣловые люди, въ родѣ бывшаго на съѣздѣ нотаріуса, сначала чувствовавшіе себя неловко среди экзальтированной молодежи, постепенно „химически" „растворялись" въ ея средѣ. Тутъ были профессора, утонченные люди отвлеченной мысли, были рабочіе съ мозолистыми руками. Были студенты, офицеры. Словомъ, были тутъ люди разныхъ возрастовъ, разныхъ матеріальныхъ достатковъ, общественныхъ положеній, профессій и ранговъ. На нѣсколько часовъ между ними рухнули всѣ эти естественныя (возрастъ) и искусственныя перегородки, и они чувствовали себя только людьми, товарищами, братьями.

Но начавшійся съ такимъ энтузіазмомъ съѣздъ уже на второй день былъ неожиданно прерванъ, такъ сказать — на полусловѣ, во время лекціи профессора Довнаръ-Запольскаго, — на этотъ разъ не призрачнымъ, а реальнымъ появленіемъ Духа Банко на пиршествѣ. Разрѣшенный губернаторомъ съѣздъ имъ же былъ закрытъ по формальнымъ основаніямъ: требуется-де разрѣшеніе не мѣстной, а центральной власти...

Теперь зададимъ вопросъ: посвѣтлѣла ли жизнь подписчиковъ хоть сколько-нибудь отъ этихъ кружковъ и союзовъ, читаленъ, лекцій и съѣздовъ? Не даетъ ли „Вѣстникъ Знанія" нуждающимся и отчаявшимся труженикамъ камень вмѣсто хлѣба...

Нужно вѣрить участникамъ съѣзда, когда со свѣтлымъ лицомъ, со слезами на глазахъ, съ бурнымъ воодушевленіемъ они заявляютъ, что видѣли „молодыхъ людей", которые, благодаря горячему призыву журнала, подымались „бодро къ жизни и стали теперь лучшими людьми", — „способныхъ, сильныхъ умомъ и характеромъ, но вошедшихъ въ жизнь безъ вѣры въ нее, а затѣмъ пробудившихся",—„почти безграмотныхъ, а теперь посвятившихъ себя на служеніе человѣчеству". „Каждый изъ нихъ, кто приходилъ къ „Вѣстн. Зн.", находилъ въ немъ живительный родникъ вѣры и смысла жизни" („Въ Кіевъ!",—стр. 27).

И несомнѣнно, что, не только побывавъ на съѣздѣ, но и участвуя лишь въ товарищеской перепискѣ на страницахъ „Взаимопомощи", каждый отдѣльный подписчикъ долженъ чувствовать себя хоть немного бодрѣе, свѣтлѣе и веселѣе, сознавая, что онъ — не одинокъ, что вокругъ него — разсѣянное физически, но духовно сплоченное братство.

Прежде разрозненный, изнемогающій въ одиночествѣ подписчикъ, слыша издалека доносящіеся вопли: „братъ, помоги!"—только и могъ уныло повторять вслѣдъ за Сологубомъ:

Что я могу?
Самъ я и бѣденъ, и малъ,
Самъ я смертельно усталъ...
Чѣмъ помогу?

Теперь же, объединенный въ идейную семью, онъ можетъ бодро воскликнуть вмѣстѣ съ Плещеевымъ:

Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ!
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ.

IV.

Интересно прослѣдить первые шаги „Взаимопомощи", посмотрѣть, въ какія формы, литературныя и практическія, она отливалась.

Едва завелся этотъ отдѣлъ, какъ въ редакцію посыпались проекты, — правда, прекраснодушные, оптимистическіе, иногда очень наивные, иногда черезчуръ идеальные...

Много шуму надѣлалъ, возбудилъ оживленное движеніе и далъ кое-какіе практическіе результаты проектъ подписчика Яковлева — „придти на помощь духовно голодающимъ и жаждущимъ".

„Это можно устроить очень просто,—пишетъ онъ съ юношескимъ идеализмомъ и оптимизмомъ. — Достаточно каждому подписчику, посылая въ контору „Вѣстн. Зн." деньги, прибавлять произвольную сумму. Изъ этихъ излишковъ долженъ составиться нѣкоторый капиталъ, который будетъ находиться въ непосредственномъ вѣдѣніи журнала. Затѣмъ подписчики назначаютъ кандидатовъ, которые по своимъ стремленіямъ достойны нравственной поддержки. Дабы помощь была неоскорбительной, посылать адреса слѣдуетъ такъ, чтобы лицо, которому нуженъ журналъ, о томъ не знало".

„И вотъ, вообразите себѣ какого-либо студента, бѣгающаго по урокамъ, какую нибудь интеллигентную труженицу провинціи, бѣднаго народнаго многосемейнаго учителя или, наконецъ, мыслящаго сознательнаго представителя физическаго труда, — словомъ, одно изъ тѣхъ лицъ, которымъ трудно отказать въ нравственной помощи и неугасающему идеализму которыхъ всякій разъ удивляешься...

И вотъ, такому лицу въ одно прекрасное утро почталіонъ приноситъ „Вѣстникъ Знанія“,— молодой, бодрый журналъ, въ искренности котораго мы уже успѣли убѣдиться“.

Со своей стороны, какъ не удивиться „неугасающему идеализму“ такихъ вотъ выступленій?... Подписчикъ Яковлевъ явно воспитался на Шеллерѣ-Михайловѣ.

Можно было бы ожидать провала этому великодушному и нѣсколько сантиментальному проекту. Но нужно знать подписчиковъ „Вѣстн. Зн.“, чтобы понять, что они устроили изъ этого прекраснодушнаго предложенія свой праздникъ. Большею частью, юношески отзывчивые, благородные и восторженные, слегка критикуя, исправляя и совершенствуя проектъ (это дѣлала и сама редакція, не уступавшая имъ розовою молодостью души), они засыпали редакцію горой писемъ, посвященныхъ этому *фонду недостаточныхъ подписчиковъ*. По поводу этихъ писемъ редакція отозвалась, что „это былъ *сплошной взрывъ восторга*“.

Мало того, уже посыпались изъ всѣхъ угловъ русской земли рубли и копейки въ этотъ фондъ, которыхъ набралось не на одинъ экземпляръ. Между прочимъ, крупное пожертвованіе поступило изъ Маньчжуріи отъ *крестьянъ*.

Разъ вспыхнувшее пламя энтузіазма отнынѣ не угасало, а стало разгораться все болѣе и болѣе. Это пламя вообще легко находило себѣ пищу. Такъ, когда редакція предложила проектъ изданія разныхъ капитальныхъ научныхъ сочиненій, подписчики опять запылали восторгомъ по такому, казалось бы, довольно холодному поводу. Отъ самихъ подписчиковъ, вслѣдъ за предложеніемъ Яковлева, полетѣли другія, — все болѣе оптимистическія и восторженныя. Такъ, вскорѣ выдвинулся проектъ *борьбы съ народнымъ невѣжествомъ*. И общее вниманіе подписчиковъ направилось на читальни „Вѣстника Знанія“, какъ одно изъ средствъ борьбы, — „развитіе цѣлой сѣти читаленъ“. На фондъ читаленъ опять предлагается самообложеніе подписчиковъ. Вообще, они охотно идутъ на всякія самообложенія съ возвышенной цѣлью.

Еще и въ недавнее время, въ 1911 году, были предложены трогательные фонды, свидѣтельствующіе, во всякомъ случаѣ, о высоко развитомъ между подписчиками чувствѣ товарищеской связи: „фондъ для безмѣстныхъ товарищей по журналу“ и „взаимное страхованіе на случай несчастій“; въ числѣ *несчастій*—невозможность выписывать „Вѣстникъ Знанія“ (№ 30 „Нед.“ 1911г.*).

Вскорѣ общество борьбы съ народнымъ невѣжествомъ получаетъ другое, очевидно— болѣе пришедшееся всѣмъ по сердцу, названіе: „Союзъ друзей народнаго образованія“. Борьба—слово острое, а „союзъ друзей“ трогаетъ душу. И полилась масса проектовъ, посвященныхъ этому благородному начинанію. А на фондъ читаленъ уже поступаютъ пожертвованія.

Совмѣстно съ довольно оживленными дебатами по поводу „союза друзей образованія“ усиленно выдвигаются и дебатируются вопросы о *съѣздахъ подписчиковъ* и о *Народномъ Университетѣ*.

Къ „Народному Университету“ сама редакція относится съ горячностью: „наше глубокое убѣжденіе, что не сегодня завтра мы, редакція съ подписчиками, осуществимъ идею Народнаго Университета“ (№ 11 „В. Зн.“, 1905 г.); „Народный Университетъ будетъ дѣйствительно народнымъ, онъ самъ *пойдетъ* въ народъ, а не будетъ ждать, чтобы къ нему пришли“ (№ 12 1905 г.).

Эта идея Народнаго Университета, развившаяся скоро въ идею Народной Академіи, стала центральнымъ пунктомъ просвѣтительныхъ плановъ журнала, отправной точкой всей его разносторонней и энергичной дѣятельности. Въ книгахъ *В. В. Битнера*: „На рубежѣ столѣтій“, „Пути самообразованія и служенія обществу“, въ нѣсколькихъ статьяхъ „Взаимопомощи“, въ „Вѣстн. Зн.“ и въ „Бесѣдахъ съ читателями“ въ „Недѣлѣ“, (№№ 4, 5 1911 г. и др.), можно найти яркое и обстоятельное освѣщеніе этого вопроса.

Такъ закипѣла понемногу большая общественная работа, все болѣе расширяя свой кругъ и захватывая въ него все болѣе друзей и участниковъ.

Увы, она еще и нынѣ, спустя 10 лѣтъ, не дала тѣхъ грандіозныхъ результатовъ, которые отъ нея ожидались. Этому помѣшали отчасти круто измѣнившіяся общественно-политическія условія, т. е. наступившая послѣ 1905 г. реакція, отчасти—самая грандіозность замысловъ, требующая неустаннаго напряженія энергіи и неугасимаго энтузіазма. То и другое мало свойственно неустойчивому и некрѣпкому волей русскому идеализму.

Но въ итогѣ этой работы все-таки есть кое-что цѣнное: моральный результатъ—духовное братское единеніе массы людей; результатъ матеріальный — обширная литература „Взаимопомощи“ изъ писемъ подписчиковъ. Въ этихъ письмахъ живетъ, мыслитъ и чувствуетъ, радуется и плачетъ огромная

*) Благородно повышеннымъ сознаніемъ „товарищества“ былъ подсказанъ кому-то изъ подписчиковъ еще въ 1906 г. проектъ „суда чести союза „Вѣстн. Зн.“: совершившій безчестный поступокъ „лишается права быть подписчикомъ „Вѣстн. Зн.“

коллективная душа, — душа нашей молодой демократіи, которой принадлежитъ будущее.

Заглянемъ же поглубже въ эту душу.

V.

На основаніи матеріала „Взаимопомощи" соберемъ наиболѣе яркія, въ разныхъ мѣстахъ разсѣянныя черты подписчиковъ и составимъ изъ этихъ чертъ одинъ общій типическій обликъ.

На первый взглядъ, у этого типическаго, отвлеченнаго подписчика „Вѣстника Знанія" какъ будто два лица, рѣзко противоположныхъ, даже ожесточенно враждующихъ между собою: свѣтлое и темное, озлобленное и благожелательное, дышащее гнѣвнымъ или презрительнымъ сарказмомъ и отчаяніемъ и пламенѣющее восторгомъ и бодрой вѣрой, лицо страшно утомленное и наивно свѣжее, лицо скептика и энтузіаста, оптимиста и пессимиста... И одни уста клянутъ жизнь, другія ее благословляютъ.

И все время на страницахъ „Взаимопомощи" идетъ упорная борьба между благословляющими и проклинающими.

За кѣмъ будетъ побѣда?

Если одинъ, два подписчика съ горечью восклицаютъ: скучно жить! стоитъ ли жить! — то десятки другихъ немедленно отвѣтятъ: жить не скучно! жить стоитъ!

Если одинъ насмѣшливо утверждаетъ: „человѣкъ — паразитъ на землѣ, продуктъ безцѣльнаго развитія матеріи, маріонетка въ рукахъ слѣпого, глупаго случая", а другой съ отчаяніемъ подхватитъ: „значитъ, исторія—случай, и жизнь ужасна",—то оба сейчасъ же встрѣтятъ энергичныя возраженія: „всякое явленіе имѣетъ свою причину... изъ исторіи почерпаешь бодрость духа".

Если отчаявшійся плачетъ и тоскуетъ: „развѣ не легче станетъ, когда выскажешь все, что камнемъ лежитъ на изстрадавшемся сердцѣ?".. „вынесемъ наше горе наружу", — то бодрый и сильный протестуетъ: „хочется, чтобы въ нашей „Взаимопомощи" громко и смѣло звучалъ голосъ не маяты и муки, а жизни и радости?"

Оптимисты стыдятъ пессимистовъ: „обидно и до боли стыдно видѣть... письма-слезницы, въ которыхъ все сѣро, монотонно, безотрадно, точно авторы ихъ въ теченіе всего года видятъ вокругъ себя отвратительную осень или проводятъ жизнь въ мрачныхъ казематахъ. Много жалобъ и причитаній, но нѣтъ той *необходимой жизнерадостности, одно присутствіе которой* заставляетъ трепетно волноваться нашу грудь".

Но пессимисты не только хрипло кричатъ: „продолжать свое существованіе считаю подлостью!"—они критикуютъ „безпочвенный оптимизмъ" во всѣхъ его позиціяхъ и отстаиваютъ свой пессимизмъ ссылкой на современное „лихолѣтье", а также и въ самомъ принципѣ: „пессимизмъ однихъ будитъ энергію другихъ".

Голоса ихъ, однако, заглушаются ликующими пѣснопѣніями. Оптимисты почти въ унисонъ славословятъ жизнь, бодрость, вѣру...

„У насъ силы, молодость, надежды; сама жизнь бьетъ ключемъ, и будущее принадлежитъ намъ!"

„Мы не должны унывать и, сложа руки, покоряться всему окружающему. На то человѣкъ и рожденъ, чтобы бороться за лучшую жизнь. Мы должны жить не только для себя, но и для другихъ".

„Побольше вѣры, работы, живыхъ словъ!"

„Я вѣрю въ грядущій разсвѣтъ!"

„Человѣку живется плохо, но пусть онъ живетъ хотя бы ради другихъ... Въ этомъ онъ найдетъ смыслъ и цѣль своего бытія. И впослѣдствіи надъ могилою его будетъ красоваться памятникъ съ надписью: „странникъ, возвѣсти лакедемонянамъ, что я умеръ, повинуясь законамъ". Развѣ этого недостаточно, развѣ не стоитъ ради этого жить? Позоръ и стыдъ бѣжавшимъ съ поля битвы! Со щитомъ или на щитѣ!"

„Смыслъ жизни въ любви, въ одной любви,—сказалъ Толстой.—Каждый человѣкъ долженъ стремиться къ усовершенствованію своего „я", и тогда все общество усовершенствуется: будь любящъ, добръ, не проходи мимо, когда видишь, что въ твоей помощи нуждаются. Настанетъ ли время, когда мы искренно протянемъ другъ другу руку и скажемъ: „довольно враждовать, пусть всѣ будутъ равны, пусть всѣ будутъ свободны, пусть все веселится и радуется"?.. Такъ обнимемъ же другъ друга: бѣднякъ—богача, сильный—слабаго, пусть этотъ поцѣлуй послужитъ признакомъ, что мы близки къ миру, любви, справедливости".

Передъ этимъ торжествующимъ хоромъ свѣтлыхъ небесныхъ голосовъ мрачные возгласы демоновъ должны смириться...

Дѣйствительно, пробѣгая переписку, видишь, какъ надъ язвительными и суровыми, жалобно стонущими и плачущими голосами берутъ верхъ голоса бодрые, увѣренные и радостные. И выясняется мало-по-малу побѣда оптимистовъ.

И вотъ что знаменательно, и въ чемъ также чувствуется торжество бодрыхъ надъ усталыми, оптимистовъ надъ пессимистами. И унылые, какъ бодрые, и скептики, какъ энтузіасты, проклинающіе жизнь, какъ бла-

гословляющіе ее,—всѣ тянутся къ „Вѣстнику Знанія“, „Недѣлѣ“, особенно – къ „Взаимопомощи“.

Дорогой это отдѣлъ — „Взаимопомощь“, любимый!.. Когда въ 1910 г. („Вѣстн. Зн.“, №№ 4, 5) редакція усомнилась во „Взаимопомощи“ и поставила вопросъ о ея нужности для читателей, подписчики „испугались за существованіе „Взаимопомощи“, стали оплакивать ее“. Изъ писемъ ихъ по этому поводу „нѣкоторыя написаны, можно сказать, кровавыми слезами и проникнуты какимъ-то ужасомъ, въ нихъ слышатся вопли, чувствуется нескрываемая боль и опасенія за нѣчто дорогое, съ чѣмъ они сжились, безъ чего жить не могли бы“ (1910 г., № 8). Когда заходила рѣчь о выдѣленіи „Взаимопомощи“ въ особое изданіе, нѣкоторые подписчики горячо протестовали: „Взаимопомощь“—одна изъ самыхъ дорогихъ частей „Вѣстника Знанія“.

И, можетъ быть, всего дороже этотъ отдѣлъ именно для удрученныхъ скорбью, придавленныхъ тяжестью муки, отчаявшихся. „Взаимопомощь“—мѣсто, куда можно пожаловаться, гдѣ, какъ на груди у друга, можно выплакать свое горе. И, дѣйствительно, подписчики несутъ сюда свою тоску, нужду, свое отчаяніе, свои вопли, стоны и слезы. Вотъ жалуется на „каторжный“ трудъ, нужду и лишенія народный учитель, вотъ стонетъ задавленный безпросвѣтнымъ существованіемъ телеграфистъ, горько вздыхаетъ обремененный семьей, нищенствующій почтовый чиновникъ. Солдатъ, крестьянинъ умоляютъ помочь учиться. Слуга отстаиваетъ свое человѣческое достоинство. Вотъ трагическій вопль народной учительницы, „одной изъ многихъ“ отчаявшихся, стоящихъ на порогѣ самоубійства. „Я молода и одинока. Я устаю... безъ знаній, безъ вѣры, безъ любви, безъ силы воли... Какъ я устала! Какъ измучилась вѣчно притворяться... Что дѣлать? Гдѣ выходъ? Я одна... сочется закричать, закричать дикимъ голосомъ, чтобы проснулись сытые и довольные, чтобы поняли они, что такъ жить нельзя, что лучшая часть человѣчества задыхается въ этой жизни и добровольно уходитъ изъ нея... Не лучше ли умереть, пока мы молоды!..“

Падая въ бездну, она протягиваетъ руки—и товарищи-подписчики ее поддерживаютъ, ободряютъ и, можетъ быть, спасаютъ,—если могутъ спасти горячія убѣжденія и настойчивые призывы къ жизни. Кто-то пишетъ ей: „Я самъ какой-нибудь годъ тому назадъ былъ на краю пропасти“, но... побѣдители жизни—тѣ, „которые переживутъ всѣ бури и невзгоды и останутся невредимыми, бодрыми и смогутъ другихъ воодушевить на борьбу“. Подписчица, народная учительница, трогательно убѣждаетъ ее: „Не унывай, милый товарищъ! Гдѣ бы ни была ты, мысленно протягиваю тебѣ руку и прошу вѣрить въ свои силы и помнить, что въ жизни много прекраснаго, свѣтлаго“... Учитель описываетъ свое невыносимое положеніе, но — „чтобы выйти изъ этого положенія, мы должны всѣ соединиться въ одну массу... Мы не должны унывать... На то человѣкъ и рожденъ, чтобы бороться за лучшую жизнь“.

Особенно мрачны мысли о жизни и мечты о добровольной, освобождающей смерти у молодежи. Она часто и охотно обращается къ „Взаимопомощи“, къ товарищеской поддержкѣ, чтобы излить свои горькія настроенія, иногда чтобы удержаться отъ нравственнаго паденія и спастись отъ самоубійства. Иногда проситъ указать ей путь дѣятельности, помочь въ выборѣ факультета. Она встрѣчаетъ участіе и поддержку. Ее и стыдятъ, и ободряютъ, и указываютъ ей выходъ. „Живи, живи, молодежь!“ — тепло убѣждаетъ кто-то. „Молодежь должна итти къ темной массѣ, къ ея просвѣщенію, не забывая словъ Некрасова: „гдѣ горе слышится, гдѣ тяжко дышится—будь первый тамъ“. „Въ наше трудное время родинѣ нужно много людей самоотверженныхъ, ученыхъ, гуманныхъ. Дѣла очень много, обширна нива родимая, бороздить ее надо по всѣмъ направленіямъ, знай—работай, да не трусь“. „Гордо, съ поднятой головой, люди нашего времени идутъ на многія лишенія, отрываются отъ семьи и друзей, прозябаютъ въ тундрахъ и все-таки живутъ, не унываютъ... Ихъ девизъ: служить родинѣ“. „Вспомните Николая Морозова и другихъ шлиссельбуржцевъ—вотъ вамъ примѣръ, достойный подражанія“.

Но и въ мрачныхъ письмахъ самихъ отчаявшихся сверкаютъ порою просвѣты, и они оканчиваются подчасъ въ мажорномъ тонѣ. Даже упомянутая близкая къ самоубійству народная учительница, мученическое письмо которой вызвало множество откликовъ, послѣ самыхъ отчаянныхъ воплей и безумныхъ рыданій заканчиваетъ такъ: „И чудится мнѣ, что сильные душою и тѣломъ тоже есть еще, что они услышатъ мой призывъ и откликнутся не холоднымъ резонерствомъ, а полнымъ привѣта и ласки призывомъ на великое и нужное, святое дѣло“.

Ясно, что этотъ призывъ уже раздается въ ея сердцѣ,—если не горитъ, какъ огонь, то тлѣетъ, какъ искра, готовая вспыхнуть. И нуженъ только откликъ на страданія этой молодой, хорошей души, живой человѣческій голосъ, чтобы встрепенулись ея большія силы...

И вотъ, мы видимъ понемногу, какъ хмурое лицо свѣтлѣетъ, суровыя черты смяг-

чаются, во взорѣ начинаетъ свѣтиться надежда, и душа возвращается къ жизни, къ дѣятельности, къ радости. Падающій встаетъ, погасающій вспыхиваетъ, слабый крѣпнетъ. И два противоположныхъ, даже враждебныхъ лица подписчика „Вѣстника Знанія“ сливаются въ одно лицо идеалиста, оптимиста и энтузіаста.

VI.

Итакъ, что же такое типическій подписчикъ „Вѣстника Знанія“?

Онъ—пламенный идеалистъ (нерѣдко даже наивный романтикъ), энтузіастъ, беззавѣтный альтруистъ, ищущій подвига самоотверженнаго служенія ближнему, обществу, своему народу, всему человѣчеству, иногда толстовецъ, иногда морозовецъ („мы разсѣяны по всѣмъ глухимъ закоулкамъ нашей обширной родины,—говоритъ одинъ,—для дѣланія того великаго дѣла, надъ которымъ трудился Толстой“; „вспомните Николая Морозова,—восклицаетъ другой:—вотъ примѣръ, достойный подражанія!“). Несмотря на всѣ удары судьбы, на нищету, горе, всякія неудачи и подчасъ безысходное отчаяніе, соединенное съ мыслями о самоубійствѣ, онъ поддерживаетъ въ себѣ бодрость, энергію и жизнерадостность вѣрою въ лучшее будущее, въ конечное торжество добрыхъ и разумныхъ началъ жизни (*слесарь* совсѣмъ по-горьковски пишетъ: „будетъ время, когда намъ будетъ хорошо жить... И такъ мы все ждемъ, боремся съ гордо поднятой головой и уходимъ съ этимъ желаніемъ жить“). Онъ—гуманистъ, народолюбецъ и человѣколюбецъ, мечтающій о великой братской любви. Къ знанію онъ тянется,—какъ къ хлѣбу, къ свободѣ,—какъ къ воздуху, къ нравственному совершенствованію,—какъ къ свѣту. Онъ—идейный борецъ орудіемъ знанія за идеалы добра, за прекрасное будущее. Всякая несвѣтлая, принижающая мысль, нездоровое, небодрящее чувство, скептицизмъ, пессимизмъ, озлобленность, уныніе ему органически чужды, и если онъ подчасъ переживаетъ все это подъ вліяніемъ гнетущихъ обстоятельствъ, онъ борется съ этимъ кошмаромъ и преодолѣваетъ его въ себѣ. На великія, свѣтлыя и прекрасныя явленія міра онъ отзывается созвучной душой. Отъ брошенной въ его душу искры онъ вспыхиваетъ и свѣтится, и самъ разбрасываетъ вокругъ себя искры и зажигаетъ другихъ своей вѣрой, бодростью, восторгомъ, жизнерадостностью.

Послѣ такой кучи достоинствъ нужно ли говорить о недостаткахъ типическаго подписчика „Вѣстн. Знанія“?

Иногда идеализмъ его — безплоденъ и наивенъ.

Тотъ энтузіастъ, который писалъ: „мы разсѣяны по всѣмъ глухимъ закоулкамъ нашей родины для дѣланія великаго дѣла, надъ которымъ трудился Толстой“, упрекалъ своихъ товарищей-учителей въ томъ, что они ничѣмъ не почтили „Великаго печальника милліоновъ страдающихъ“, „Учителя народовъ“, „Апостола любви“. „Чтобы не пришлось краснѣть“, онъ предложилъ „въ предстоящія лѣтнія каникулы устроить съѣздъ въ Москвѣ, гдѣ часто проживалъ Л. Н., а оттуда совершить экскурсію въ Ясную Поляну для поклоненія великой могилѣ“.

Высоко взлетѣлъ нашъ идеалистъ, но опустился лишь на могилу Толстого „для поклоненія“. Что жъ? Его ли вина?.. По условіямъ русской жизни, съѣзды и экскурсіи для поклоненія—только въ это и можетъ разрѣшаться наше „дѣланіе великаго дѣла“. Конечно, предложеніе подписчика могло бы быть пошире съѣзда паломниковъ, но, можетъ быть, онъ держался „реальной“ почвы и хотѣлъ сдѣлать хоть что-нибудь возможное, чтобы продемонстрировать свое стремленіе шествовать по стопамъ Толстого.

Телеграфистъ, яркими красками обрисовавшій свой тяжелый и неблагодарный трудъ, свое задавленное существованіе, предлагаетъ, какъ лѣкарство отъ всякихъ золъ, *кооперацію*.

„Труженикъ-кооператоръ не замѣчаетъ, какъ онъ практически осуществляетъ идею великой братской любви“. Подписчикъ подалъ своему начальству „записку“, въ которой предлагаетъ устроить квартиры для почтово-телеграфныхъ чиновъ въ собственныхъ зданіяхъ на кооперативныхъ началахъ. „Такое учрежденіе сплотитъ всѣхъ почтово-телеграфныхъ чиновъ въ одну общую семью, трудящуюся, любящую другъ друга, преслѣдующую великую идею, провозглашенную Робертомъ Оуэномъ“.

И опять—какой широкій размахъ идеалистическаго порыва: „великая братская любовь“, „великая идея, провозглашенная Робертомъ Оуэномъ“. А въ результатѣ:—устройство дешевыхъ квартиръ на кооперативныхъ началахъ для почтово-телеграфныхъ служащихъ...

Но повторимъ и тутъ, что русская административно-полицейская опека не пріучила русскаго человѣка къ широкимъ *практическимъ* начинаніямъ, а лишь къ самымъ всеобъемлющимъ *мечтамъ*. Мечтая о великой братской любви, мы паримъ, какъ орлы, но, опустившись на почву дѣйствительности, превращаемся въ воробьевъ, предлагающихъ клевать зерна „на кооперативныхъ началахъ“.

Впрочемъ, редакція напрасно назвала письмо этого телеграфиста „наивнымъ по

формѣ“, типичнымъ своей „нелитературностью“. Нѣтъ, въ литературномъ отношеніи оно недурно написано (если не подверглось редакціонной обработкѣ): образнымъ слогомъ и съ искреннимъ жаромъ. Не по формѣ оно наивно, а по настроенію и мыслямъ. Такой безплодный или наивный идеализмъ требуетъ руководства, чтобы онъ не влачился по землѣ, хлопая крыльями, а дѣйствительно поднялся на высоту. Къ этому благородному паренію направитъ его лишь знаніе.

Другой недостатокъ типическаго подписчика—это неустойчивость его энергіи: насколько быстро она вспыхиваетъ, настолько же быстро и погасаетъ. И наступаетъ апатія—глухая и косная.

Вслѣдствіе этого не разъ приходилось журналу оставаться какъ бы въ одиночествѣ, вздыхать и жаловаться и все снова и снова звать и будить. Не разъ и не два редакція почти въ отчаяніи взывала: „нужны интеллигентные, идейные помощники. А ихъ нѣтъ, съ одними подписчиками идти трудно“. „Мы призываемъ товарищей, стараемся пробудить спящихъ, тронуть равнодушныхъ. Но многіе, очень многіе остаются глухими къ этимъ призывамъ“. „Большинство молчитъ, молчитъ упорно“. Редакціи кажется по временамъ, что ея просвѣтительной работѣ „не сочувствуютъ или относятся равнодушно, что только зря тратишь силы, энергію, что ты одинъ... и руки начинаютъ опускаться“ (№ 7 „Вѣстн. Зн.“ 1907 г.).

Въ позднѣйшихъ „Бесѣдахъ съ читателями“ редактору то и дѣло приходится толкать и будить засыпающихъ. „Сдѣлаемъ же первый шагъ!“ „Положимъ же первый камень!“ „Не откладывайте заступа!“—это постоянныя его восклицанія. Даже наканунѣ Кіевскаго съѣзда, который прошелъ съ такой кипучей энергіей, съ такимъ лучистымъ энтузіазмомъ, пришлось рѣзкими словами подхлестнуть задремавшаго подписчика: „нашъ подписчикъ въ массѣ—тотъ же россійскій неподвижный обыватель. Его надо тянуть клещами даже на всякое для него лично полезное дѣло, самъ же онъ не имѣетъ ни капли энергіи, ни на грошъ иниціативы“. Также и по поводу Народной Академіи приходится поминутно усовѣщевать подписчиковъ, тревожить ихъ притупившееся вниманіе, шевелить тяжелѣющее чувство. „Скверно, когда вы оставляете въ забвеніи самихъ себя, свое же собственное созданіе, свои горячія мечты, мечты о просвѣщеніи трудового народа, о Народной Академіи, о которой такъ горячо многіе изъ васъ писали, о которой съ такимъ энтузіазмомъ говорили на Кіевскомъ съѣздѣ“.

Подписчики и сами чувствуютъ этотъ свой недостатокъ,—неустойчивую, быстро погасающую энергію,—и то и дѣло стыдятъ другъ друга и самихъ себя, зовутъ, почти надрывая грудь безплодными выкрикиваніями, къ „живому практическому дѣлу“,—„товарищи, за дѣло!“—„стыдно, товарищи!“ и проч.,—стараются другъ въ другѣ подогрѣть интересъ къ Народной Академіи... Много словесной сутолоки, много милой, самой задушевной риторики, много безкрылыхъ полетовъ—и ни капли пользы дѣлу. Бѣгъ на мѣстѣ, хотя и полной рысью.

И все-же, несмотря на эту временами нападающую на подписчиковъ сонливость, неповоротливость, отяжелѣніе, преобладающимъ ихъ настроеніемъ,—по крайней мѣрѣ, какъ оно отражается во „Взаимопомощи“,—является кипѣніе сердца и ума.

Когда, откинувъ повышенныя претензіи къ литературной формѣ и преодолѣвъ нѣкоторую скуку отъ однообразія тона и содержанія, вчитываешься со вниманіемъ въ эти письма читателей, невольно удивляешься: какая живая, ненасытная, если не дѣятельность, то жажда дѣятельности, бодрость тона, неустанная работа мысли! Какая молодая наивность, но и какая подкупающая свѣжесть, чистота побужденій, красота чувства! И гдѣ разгорается эта энергія, гдѣ цвѣтетъ эта бодрость и свѣжесть?.. На какой-нибудь Богомъ забытой, затерянной въ лѣсахъ станціи Мозырь, въ какой-нибудь глухой деревушкѣ, среди бѣлорусскихъ болотъ и необозримыхъ пустошей.

И начинаешь понимать, чѣмъ люди живы.

Они живы единеніемъ, братскимъ тяготѣніемъ другъ къ другу, живы не только физической, но хотя бы нравственной взаимопомощью, живы тѣмъ, что дало намъ Ломоносова,—стремленіемъ къ знанію,—и тѣмъ, что дало Толстого,—жаждой нравственнаго совершенствованія,—живы пламеннымъ красочнымъ идеализмомъ, живы созвучнымъ міру трепетомъ сердца и вѣчнымъ горѣніемъ пытливой мысли... Да, это—подлинно *живые* люди, люди *живой* души. Ихъ не задавила грубая россійская дѣйствительность, ея тьма и стужа, ея глушь и дичь, тамъ, въ глубинѣ Россіи, гдѣ, казалось бы—лишь гнетущая и усыпляющая вѣковая тишина, и не искры, а снопы свѣта льются оттуда къ намъ въ холодную столицу.

Конечно, литературной критикѣ матеріалъ „Взаимопомощи“ не подлежитъ. Его можно или цѣликомъ принять, или цѣликомъ отвергнуть, исходя изъ основаній другихъ, не литературно-критическихъ. Если не вникнуть въ идею „Взаимопомощи“, если упустить изъ

виду кое-какіе практическіе результаты, изъ нея возникшіе (напр., Петербургское Общество „Вѣстника Знанія“), то пришлось бы признать этотъ отдѣлъ въ научно-популярномъ изданіи почти балластомъ, придающимъ ему оттѣнокъ чего-то несерьезнаго и вульгарнаго.

Но жизнеспособность этого отдѣла доказана его цвѣтами и плодами. А главное, „Взаимопомощь“ — это очагъ, на которомъ заботливыя руки хранятъ и поддерживаютъ священное пламя,—тотъ „неугасающій идеализмъ“, къ нравственной поддержкѣ которому, еще на первыхъ страницахъ „Взаимопомощи“, призывалъ подписчикъ Яковлевъ.

VII.

Неотдѣлимую отъ „Взаимопомощи“ часть составляютъ „Бесѣды съ читателями“ руководителя журнала В. В. Битнера.

Въ „Недѣлѣ“ „Бесѣды“ эти нѣсколько обособились, но первоначально, въ „Вѣстн. Знанія“, онѣ были какъ бы преддверіемъ „Взаимопомощи“, составляя вступительную и руководящую часть этого отдѣла.

Всегда яркія, проникнутыя задушевнымъ чувствомъ и звучащія бодрымъ тономъ „Бесѣды“ приковываютъ вниманіе подписчиковъ, какъ одинъ изъ наиболѣе любимыхъ ими отдѣловъ, какъ сама душа ихъ дорогой „Взаимопомощи“.

Можетъ быть, иногда „Бесѣды“ слишкомъ близко подходятъ къ границамъ интимныхъ изліяній съ глазу на глазъ (напр., жалобы на переутомленіе отъ работы, на постоянное одиночество, на отсутствіе личной жизни), и можетъ кому-нибудь показаться, что эта интимность какъ-то неумѣстно вплетается въ „общественное дѣло“. Но передъ этой особенностью „Бесѣдъ“ приходится невольно остановиться съ почтеніемъ, когда видишь, какъ плѣняетъ подписчиковъ именно этотъ тонъ интимности, товарищеской близости. Вѣдь, они жаждутъ слышать въ „Бесѣдахъ“ голосъ не редактора, не литератора, не общественнаго дѣятеля, а дорогого друга, близкаго человѣка, добраго, отзывчиваго и задушевно-простого.

Къ тому же, эта интимность—не одно ли изъ звеньевъ того единенія въ общемъ дѣлѣ, которое неустанно пропагандируетъ авторъ „Бесѣдъ“? Она совершенно объясняется и оправдывается самимъ духомъ этого единенія.

Но, можетъ быть, другимъ читателямъ болѣе импонируетъ тонъ твердой убѣжденности и благороднаго самосознанія, который слышится въ нѣкоторыхъ „Бесѣдахъ“, чуждыхъ интимности?.. Такова, напр., блестящая отповѣдь „Новому Времени“ на его грязныя выходки („На свой аршинъ“, № 3 „Нед.“ 1911 г.).

Одна изъ наиболѣе яркихъ „Бесѣдъ“, вылившихся съ горячимъ лиризмомъ,—„Кіевскій съѣздъ удался!“ (№ 25—26 „Нед.“ 1911 г.). Очень интересны были „Бесѣды“ по поводу извѣстнаго боевого выступленія Чуковскаго: „Мы и они“ (№№ 40, 44, 47 „Нед.“ 1911 г., № 5—6 1912 г.).

Выступленіе Чуковскаго было довольно оглушительнымъ залпомъ. Но батарея его, какъ оказалось, палила холостыми выстрѣлами и не ранила никого. И не понять было: палилъ ли канониръ „Рѣчи“ во „враждебный станъ“ Кобелевыхъ, Малафеевыхъ и Тютькиныхъ, „ненавидящій взоръ которыхъ онъ чувствовалъ на себѣ“, этихъ „полуинтеллигентовъ“, „полярно-противоположныхъ“ „интеллигентамъ“? Или онъ палилъ въ честь этихъ, хотя „полунищихъ, полуневѣждъ“, но „лучшихъ въ Россіи людей“, которыхъ „привораживаетъ къ наукѣ, къ культурѣ, къ труду“ Битнеръ, „самобытный проповѣдникъ“, „апостолъ просвѣщенія“, влюбленный и влюбляющій въ науку, съ геттингенской душой, плавающій въ томъ же „розовомъ туманѣ, въ которомъ пребываютъ и они“, но „немного актеръ“ и „очень себѣ на умѣ“?

Въ концѣ концовъ, оказалось, что эти выстрѣлы были скорѣе въ ознаменованіе радости и празднества по поводу появленія „новыхъ людей“, окруженныхъ въ глазахъ критика „ярчайшимъ сіяніемъ“ за ихъ любовь „къ борцу просвѣщенія (Битнеру), сподвижнику Геккелей и Дарвиновъ“. Оказалось, что этимъ „новымъ людямъ“ врождено „шестидесятничество“: воскресни сейчасъ Добролюбовъ, аудиторія „Вѣстника Знанія“ (т. е. Кобелевы, Малафеевы, Тютькины) была бы самой подходящей для него.

Эти мысли Чуковскаго (уже не въ „Мы и они“, а въ „Ежегодникѣ“ Рѣчи 1912 г.) знаменовали сдачу имъ нѣкоторыхъ своихъ важныхъ позицій. Можетъ быть, его лихая атака удалась бы болѣе, если бы онъ не провалилъ ее плохимъ прицѣломъ.

Во-первыхъ, сначала онъ позволилъ себѣ почти издѣвательство надъ „полунищими, полуневѣждами“, „полуобразованной челядью“: „полуобразованная, полунищая челядь“—это пролетаріатъ?.. Изъ какихъ слоевъ, отъ какихъ людей взятъ былъ этотъ брезгливый, крѣпостническій языкъ?

Во-вторыхъ, подлинную интеллигенцію,—„станъ“, „полярно-противоположный“ „полуинтеллигенціи“,—критикъ усмотрѣлъ... гдѣ?.. Въ читателяхъ „Сатирикона“ и „Синяго Журнала“!.. Итакъ, для Добролюбова—аудиторія изъ Кобелева, Малафеева, Тютькина, но „интеллигенція“—вотъ самая подходящая аудиторія для Аверченки и Брешко-Брешков-

скаго. Слегка забрызгавъ грязью „полуобразованную челядь“, „полуинтеллигенцію“, Чуковскій уронилъ и больно ушибъ также „интеллигенцію“.

— За кого вы меня принимаете?—обиженно сказала она (устами Философова), вставъ и отряхнувшись.—Вы, м. г., принимаете меня за кого-то другого.

И Философовъ доказалъ Чуковскому, что онъ обознался.

Но я допускаю *эту* „интеллигенцію“ Чуковскаго (самъ онъ ее наименовалъ потомъ—„лже-интеллигенція“). Интеллигенція интеллигенціи рознь. И Чуковскій, пророчествуя „битву“ и видя „ненавидящій взоръ“, съ точки зрѣнія *этой* интеллигенціи правъ. Надо только договориться о... „терминахъ“.

Не „полуинтеллигенція“ ненавидитъ „интеллигенцію“, а „демократія“ полна вражды къ „полудемократіи“. И борьба будетъ (если будетъ) не противъ интеллигентскаго, а противъ мнимо-демократическаго начала въ нѣкоторой части интеллигенціи. Съ этой перестановкой перспективы мысль Чуковскаго о „битвѣ“ и „ненавидящемъ взорѣ“ я могу принять.

Сдавъ одну изъ своихъ позицій Философову, Чуковскій свою первоначальную „интеллигенцію“ назвалъ „лже-интеллигенціей“. Но что такое—„лже-интеллигенція“? Такой „въ природѣ нѣтъ“, по выраженію Философова. А съ призракомъ не можетъ быть и борьбы. Всѣ подпорки зданія, выстроеннаго Чуковскимъ, падаютъ, и само зданіе разсыпается.

Не буду детально останавливаться на другихъ „Бесѣдахъ съ читателями“, кромѣ упомянутыхъ; отмѣчу только, что всего болѣе вниманія удѣляли „Бесѣды“ мечтамъ, планамъ и заботамъ по осуществленію культурнаго единенія подписчиковъ, радостямъ и горестямъ этого широкаго дѣла. Мысль же о Народной Академіи можетъ быть названа жизненнымъ нервомъ „Бесѣдъ“, ихъ *caeterum censeo*.

Въ основныхъ тонахъ своихъ „Бесѣды“ звучатъ всегда тѣмъ бодрящимъ и освѣжающимъ идеализмомъ, который такъ гармонически отвѣчаетъ лучшимъ струнамъ души подписчиковъ „Вѣстника Знанія“, звенящимъ во „Взаимопомощи“.

VIII.

Нѣсколько словъ о „Вѣстникѣ Знанія“, какъ научно-популярномъ журналѣ.

„Вѣстникъ Знанія“—единственный журналъ, который входитъ въ непосредственное общеніе съ демократіей, проникается ея настроеніями и въ свою очередь воодушевляетъ ее своими стремленіями.

Братское объединеніе рядовъ этой демократіи для лучшаго будущаго поставилъ „Вѣстникъ Знанія“ своей задачей, а орудіемъ этого ему служитъ наука. Вотъ почему его девизъ:—„учиться и учить другихъ“. Его лозунгъ:—„самъ университетъ долженъ идти въ народъ, а не ждать, чтобы къ нему пришли“,—принципъ, на которомъ зиждется вся идея пропагандируемой „Вѣстн. Знанія“ Народной Академіи.

Въ полной мѣрѣ проведеніе этихъ началъ въ жизнь—дѣло будущаго. Но „Вѣстникъ Знанія“ уже и нынѣ, какъ журналъ и какъ книгоиздательство, посильно служитъ этой задачѣ широкой популяризаціей и демократизаціей знанія.

Если не по духу, то по пріемамъ своего общенія съ читателемъ изъ народа, онъ—самый демократическій журналъ.

Въ этомъ отношеніи „Вѣстн. Знанія“, можетъ быть, напоминаетъ того д-ра Шписа („Пути самообразованія и служенія обществу“, стр. 19), знаменитаго лектора берлинской „Ураніи“, который „развязными манерами“, „далеко не внушительнымъ видомъ“ и, на первый взглядъ, „слишкомъ легкимъ отношеніемъ къ аудиторіи“ сначала нѣсколько поражаетъ, а потомъ вдругъ оказывается блестящимъ популяризаторомъ-ученымъ и чаруетъ слушателей.

Да, съ „Вѣстникомъ Знанія“ глашатаи науки вышли на площадь и на перекрестокъ, стучатся подъ окнами деревенскихъ избушекъ и слободскихъ лачугъ, настойчиво зовутъ и рабочаго, и пахаря, и народнаго учителя, и фельдшера, и сельскаго батюшку въ школу и читальню, на лекцію и на образовательную экскурсію, зовутъ голосомъ, иногда, можетъ быть, рѣзко-крикливымъ (на то, вѣдь, они и *глашатаи*), даже назойливымъ, если хотите, какъ бойкіе комиссіонеры знанія...

Что жъ!.. Достоинство науки ничуть не роняется оттого, что ея глашатаи усердствуютъ во всю силу демократическихъ легкихъ, становясь, во имя народнаго блага, выше боязни казаться смѣшными, вульгарными, „непорядочными“ въ глазахъ бѣлоручекъ просвѣщенія.

Пусть бѣлоручки дѣлаютъ свою „чистую“ работу, раздвигая умственные горизонты болѣе или менѣе просвѣщенныхъ слоевъ общества и тонкими пріемами утончая ихъ интеллигентность, а демократическій „Вѣстникъ Знанія“ взвалилъ себѣ на плечи работу „черновую“: элементарное, но всестороннее ознакомленіе демократическихъ „низовъ“ съ наукой, развитіе въ нихъ самодѣятельности и самостоятельности въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго совершенствованія и воспитательное воздѣйствіе на нихъ въ духѣ свободы, разума, правды и добра.

В. Голиковъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

В. В. Битнеръ. Автобіографія „Вѣстника Знанія". 1.
(Часть доисторическая, 1.—Первые шаги молодого „Вѣстника", 8.—Обстоятельства, „отъ редакціи независящія",10.—Установленіе связей съ подписчиками, 14.—Адреса и привѣтствія, 17.—Какъ дѣлается и разсылается „Вѣстникъ Знанія", 26).

„Взаимопомощь" „Вѣстника Знанія".

В. Г. Голиковъ. „Взаимопомощь", какъ она возникла, развилась и къ чему пришла. . 39.

Е. Е. Лазаревъ. Къ юбилею „Вѣстника Знанія". 51.

Н. А. Рубакинъ. По поводу юбилея „Вѣстника Знанія" . . . . . 56.

Популяризаторская дѣятельность „Вѣстника Знанія" за первыя 10 лѣтъ его существованія.

Прив.-доц. А. Г. Генкель. Естествознаніе и сопредѣльныя науки . . . . . 57.

А. А. Чикинъ. Популяризація астрономіи . . 69.

Проф. С. О. Грузенбергъ. Задачи популяризаціи философіи . . . . . 72.

Проф. К. Ѳ. Жаковъ. Итоги философскихъ работъ, изданныхъ „Вѣстникомъ Знанія" . . . . . 75.

Н. П. Евстифѣевъ. „Вѣстникъ Знанія" въ вопросѣ объ изученіи языковъ . . . 77.

В. И. Лойко. Общественныя науки и публицистика . . . . . 83.

С. К. Исаковъ. Популяризація искусства . . 90.

В. Г. Голиковъ. Беллетристика „Вѣстника Зн". 92.

В. Г. Голиковъ. Рыцарь жизни. (Критика въ „Вѣстникѣ Знанія" за 1903—1912). 102.

Матеріалы для исторіи „Вѣстника Знанія".

Р. Х. Макстысъ. Перечень статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Знанія" за десятилѣтіе 1903—1913 гг. (Со включеніемъ книгъ-приложеній за тотъ же періодъ, а также статей и приложеній „Научнаго Обозрѣнія" за 1911—12 гг.). . . . . 113.

Наиболѣе выдающіеся русскіе и иностранные авторы, произведенія которыхъ помѣщались въ „Вѣстникѣ Знанія" и приложеніяхъ . . . . . 178.

Изъ области статистики „В. Зн." . . . . . 179.

Распредѣленіе подписчиковъ „Вѣстника Знанія" по губерніямъ и областямъ Европейской и Азіатской Россіи (за исключеніемъ Финляндіи и Польши) . . 180.

Отношеніе числа подписчиковъ „Вѣстника Знанія" къ количеству населенія . . 181.

Юбилейная недѣля „Вѣстника Знанія" (25—31/XII/1912).

Н. П. Евстифѣевъ. Воспоминанія участника юбилея . . . . . 182.

Подп. № 13891—„Украина". Плоды добрые . 191.

Нѣкоторыя рѣчи на праздникѣ „Вѣстника Знанія" (рѣчь проф. А. Г. Тимофеева, рѣчь проф. К. Ѳ. Жакова, рѣчь проф. А. Г. Генкеля, рѣчь представителя Совѣта Русскаго Общества Любителей Міровѣдѣнія). . . . . 192.

Нѣкоторые адреса и привѣтствія . . . . . 193.

М. А. Гольтисонъ. Этнографическій вечеръ „Вѣстника Знанія". . . . . 195.

Н. Т. Власовъ. О культурныхъ начинаніяхъ „Вѣстника Знанія" . . . . . 203.

Л. К. Шмелевъ. Народная Академія въ будущемъ. . . . . 212.

Общая программа юбилейныхъ торжествъ. . . 220.

Послѣсловіе. . . . . 223.

Печ. „Графическаго Института" Бр. Лукшевичъ. 5-я Рождественская,